

А.Л. СИТКОВСКИЙ -
Заместитель начальника
Всероссийского

научно-исследовательского
института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Pregledni članak

UDK: 343.85(470)

Primljeno: 24. septembra 2012. god.

КРИМИНАЛЬНАЯ ВИКТИМИЗАЦИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И МНЕНИЯ ГРАЖДАН О ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Исследования свидетельствуют о том, что для снижения уровня виктимизации не достаточно воздействовать только на процессы криминализации преступника. Значительным эффектом обладают меры, направленные на факторы, способствующие виктимизации потенциальных потерпевших, к которым можно отнести едва ли не все население Российской Федерации. Такое предупредительное воздействие, которое зачастую связано с мерами, предпринимаемыми сами потенциальными жертвами для того, чтобы не превратиться в реальных потерпевших, очень эффективно.

Однако для того, чтобы система такого воздействия работала, необходимо владеть информацией о реальном состоянии виктимизации в конкретном регионе или стране как в целом, так и применительно к наиболее опасным видам преступности, знать особенности механизма виктимизации от отдельных видов преступлений, факторы, которые этому способствуют, наиболее типичные ситуации, в которых происходит виктимизация, особенности личности потенциальных потерпевших. Анализ такой информации позволяет прогнозировать тенденции развития криминальной виктимизации населения от различных видов преступлений.

К сожалению, виктимологическая информация слабо отражена в ведомственной статистической базе. Кроме того, объектами статистического учета выступают не жертвы, а преступления, по которым установлены потерпевшие от наиболее значимых и тяжких социально-криминальных

обстоятельств – насильственных и корыстно-насильственных преступлений, то есть жертвы в самом узком смысле, что весьма затрудняет получение реального представления о масштабах криминальной виктимизации в стране. Для восполнения этого пробела статистические показатели необходимо рассматривать в совокупности с результатами криминологических и социологических исследований, посвященных изучению мнения граждан Российской Федерации о состоянии своей защищенности от противоправных посягательств и уровне безопасности.

Анализ виктимологической характеристики преступности, сочетающий изучение статистических данных, результаты исследований криминологов и социологов, позволит описать исследуемый объект – криминальную виктимизацию в Российской Федерации – не только со стороны потерпевших от преступлений, но и определить влияние их поведения на механизм криминализации преступников.

Статистика ГИАЦ МВД России¹ свидетельствует, что виктимологическая ситуация в Российской Федерации по-прежнему остается достаточно сложной. Если в 1997 г. было выявлено 1 704 200 россиян, потерпевших от уголовных посягательств, то в 2008 г. их число достигло 2 303 800² (см. График 1). Однако, не смотря на такое увеличение абсолютных значений, следует отметить, что максимальное число потерпевших (2 966 000) за последние двенадцать лет было зарегистрировано в 2006 г., после чего наметилась тенденция к снижению.

---

1 При подготовке аналитического материала изучались сведения статистической формы 1–П «Сведения о преступлениях, по которым имеются потерпевшие» за 1997 – 2009 гг.

2 Данные о количестве потерпевших в 2009 г. в статистике не отражены.

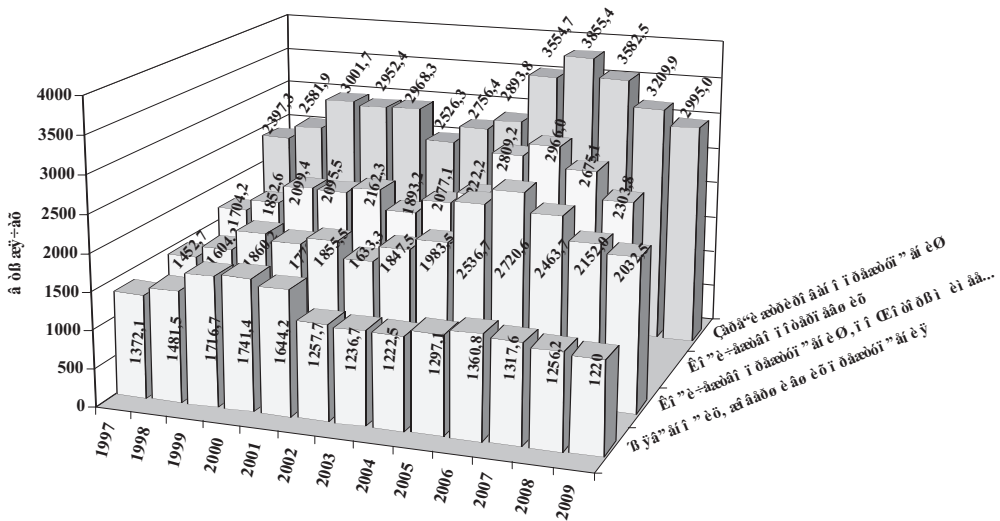

График 1. Состояние криминальной виктимизации (в абсолютных показателях)

Коэффициент криминальной виктимизации по лицам (число зарегистрированных потерпевших на 100 тыс. населения) в 2008 г. составил 1622,3, т.е. снизился по сравнению с зафиксированным максимальным значением 2006 г. на 21,9% (см. График 2).

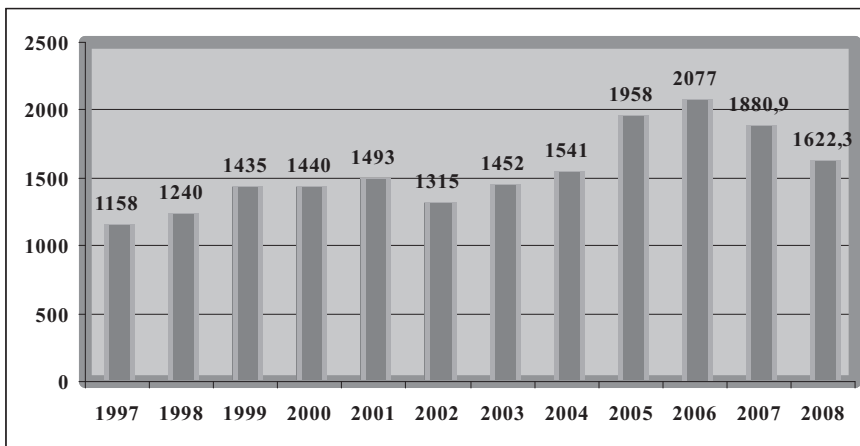

График 2. Динамика уровня криминальной виктимизации по лицам, потерпевшим в результате преступных посягательств

Приведенный анализ статистических данных ГИАЦ МВД России не в полной мере способствует формированию целостного представления о распределении виктимизации общества, поскольку показывают усредненную обезличенную картину.

Исследования жертв преступлений по уголовным делам показывают, что «наиболее виктимноносным является возраст 30–39 лет (24,6%), а также возраст 25–29 лет (20,6%), с 18 до 24 лет (8,2%) и до 12 лет (5,4%), старше 50 лет (11,8 %)»³. При этом средняя численность возрастных групп в России составляла, по данным Росстата: 30–39 лет – около 14%; 25–29 лет – 7,3%, 18–24 года – 16,5%, до 12 лет – 16,5%⁴.

Сравнив показатели виктимности в возрастных группах, с учетом реальной доли возрастных групп в структуре населения, обнаружим, что наивысшая виктимность имеет место не среди 30–39-летних граждан, а среди 25–29-летних, численность которых почти вдвое меньше. Кроме того, допустимо предположить, что реальный уровень виктимности среди представителей старшей возрастной группы значительно выше, как и выше латентность преступлений, совершаемых в отношении данных лиц. То же можно утверждать и относительно малолетних жертв преступлений.

Криминологический интерес вызывает и такой факт, который характеризует неравномерную виктимологическую активность представителей различных социальных групп. Здесь, как отмечают исследователи, возникают реальные или предполагаемые связи «преступник–жертва», некоторый конфликт, эскалация которого завершается преступлением⁵.

В полной мере сказанное относится как к классическим бытовым конфликтам между родственниками, обитателями социального дна, членами различных замкнутых коллективов и т.п., так и к ситуационным преступлениям, когда имеет место неправильная оценка будущим потерпевшим предкриминальной и криминальной ситуаций⁶. По данным исследований американских криминологов, примерно 25% потерпевших от преступлений (в основном от малозначительных краж) полагали, что своей неосторожностью, небрежностью, легкомыслием способствовали своей виктимизации⁷. Многие вообще никак не определили признаки своего

3 Задорожный В.И. Особенности виктимного поведения жертв преступлений // Международное публичное и частное право. 2006. № 1(28). С. 15.

4 Средняя арифметическая численности возрастных групп населения России. УРЛ: www.гкск.ру.

5 См.: Кузнецова Н.Ф., Богуш Г.И. и др. Криминология. М., 2007. С. 239.

6 См.: Полубинский В.И. Правовые основы криминальной виктимологии // журнал российского права. 2001. № 4. С. 29.

7 См.: Шнайдер Г.Й. Криминология / Пер. с нем.; под ред. и с введением Л.О. Ивановой. М., 1994. С. 129.

поведения как виктимного, что вполне естественно. В отечественных условиях наибольшая концентрация потерпевших наблюдается среди всевозможных маргинальных элементов.

Например, по данным исследования А. А. Гаджиевой, в ситуациях, в которых имела место провокация со стороны потерпевшего, жертвы не редко характеризовались (в 12% случаев) соседями как склочные, неуживчивые, агрессивно настроенные. Некоторые из них имели судимости (15%), не имели постоянного места работы (13%)⁸. По данным В.И. Задорожного, среди жертв преступлений 7% были ранее судимы, а еще 6,9% имели на момент преступления погашенную или снятую судимость⁹. Среди несовершеннолетних жертв преступлений 18–25% были ранее знакомы с преступниками, а в 10–15% случаев жертвы находились в состоянии алкогольного или наркотического опьянения или в малолетнем возрасте, т.е. не могли себя защитить. А.Д. Кутын, исследуя положение нелегальных мигрантов, отмечает высокую распространенность в отношении представителей данной социальной группы следующих преступных посягательств:

1) трудовые формы эксплуатации (принуждение работать сверх положенного времени без оплаты – 62%; работа с повышенной интенсивностью – 44%; длительные задержки заработной платы – 39%; принуждение выполнять работу, на которую работник не давал своего согласия – 38%; принуждение работать без оплаты – 24%);

2) принуждение к секс-услугам (22% из числа опрошенных женщин, в Москве – до 30%);

3) психологическое насилие, угрозы, шантаж – 20%, изъятие паспортов – 20%;

4) ограничение свободы передвижения, полное или частичное содержание взаперти – 20% (в Москве – 31%) и т.п.¹⁰

Отметим, что положение наиболее обеспеченных слоев населения России тоже во многом характеризуется виктимностью, о чем свидетельствует, например, значительное распространение насилия в отечественных деловых обыкновениях¹¹ или коррупция.

8 См.: Гаджиева А.А. Виктимное поведение жертвы преступлений убийства и причинения вреда здоровью человека как криминологическая проблема // «черные дыры» в российском законодательстве. 2008. ? 1. С. 322–323.

9 См.: Задорожный В.И. Указ. соч. С. 16.

10 См.: Кутын А.Д. Виктимология миграционных процессов в России // Профессионал. 2007. № 2(76). С. 35.

11 См.: Радаев В. О роли насилия в российских деловых отношениях // Вопросы экономики. 1998. № 10. С. 98–105.

Следует отметить, что жертвами преступлений нередко становятся лица, поведение которых представляется вполне осмотнительным, образ жизни, не привлекающим внимания злоумышленников, а круг общения не характеризуется наличием криминальных элементов. В этом вопросе исследование психологических особенностей потерпевших, отрицательных, с точки зрения большинства граждан, личностных черт в целом не проясняет ситуацию. Одна и та же черта характера в одной ситуации выступает как виктимогенная, в другой – как нейтральная, а в третьей – препятствует вовлечению обладателя в криминальную ситуацию.

Более продуктивной представляется характеристика виктимности как специфической функции девиантного поведения. При этом в различных социальных группах представления о девиации, «планка девиантности», находятся на разных уровнях. Чем меньше лицо вовлечено в общественно полезный труд, в позитивные связи, чем больше оно склонно «проверять на прочность» окружающих и доминирующие социальные институты, тем выше у данного лица порог чувствительности, тем большее количество девиантных форм поведения он воспринимает как приемлемые и даже жизненно необходимые.

Окружающие тоже склонны многое прощать лицам, находящимся на «социальной периферии», и неважно, кто выступает субъектом нравственных и правовых оценок: обитатель «дна» или «вождь», представитель богемы или олигарх, старик или подросток – «что с такого возьмешь», «старый да малый» и т.п.¹²

Такой подход позволяет достоверно объяснить возникновение в тридцатилетнем возрасте «водораздела» в нарастании виктимности молодежи. 30 лет – возраст наступления взрослости, укрепления с таким трудом (и не всегда легитимно) завоеванных социальных позиций, окончательного усвоения стандартов и образцов конформного поведения, отождествления себя с обществом. После 30 лет основная масса недоконформистов (и гиперконформистов) выдавливается на социальные периферии, а некоторая группа инноваторов-нонконформистов, пытающихся изменить общество на свой лад, становится наиболее желательными объектами посягательств под лозунгом «а что это он задается», «а почему у него так много», «я работаю, а эти только болтают без толку». И так продолжается примерно до 45–50-летнего возраста, когда наступает очередной «водораздел».

---

12 См.: Шалгунова С. жертва и преступник: взаимосвязь и влияние // Профессионал. 2007. ? 2(76). С. 19; Майоров А.В. Кражи в общественных местах: криминологическая характеристика и виктимологическая профилактика: Дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004.

Но все вместе представители доминирующей возрастной группы деятельных конформистов начинают теснить своих социальных конкурентов, молодежь и стариков, которые все чаще отвечают на вызовы времени ростом девиаций, прежде всего в форме ритуализма – «всегда так делал, жизнь прожил и перестраиваться не буду», «мы в ваши годы...», «век живи – век учись, дураком помрешь» – и ретризма. Молодежь и старики, таким образом, составляют группу наиболее виктимных лиц, прежде всего при совершении корыстных и корыстно-насильственных деяний (основная масса преступлений). На другом фланге виктимности находятся всевозможные общественные и политические лидеры, «профессиональные революционеры», социальные инноваторы и криминальные элементы.

Но далеко не во всех случаях виктимность находится в непосредственной связи с отклоняющимся поведением. В некоторых случаях девиации, как минимум в форме нонконформизма, помогают индивиду не вступать в те отношения, которые изначально характеризуются высокой криминогенностью. Здесь в основе поведения субъекта лежит не присоединение к некоторому стандарту поведения, а предполагаемая инновация. Однако нонконформисты, как правило, не ввязываются в сомнительные финансовые авантюры, менее подвержены коллективным психозам, наподобие предпраздничных распродаж, реже вовлекаются в тоталитарные секты и иные объединения, создаваемые для посягательств на личные права участников. Тогда, как недоконформисты и гиперконформисты, как наиболее «удобные» для психологического манипулирования лица, в наибольшей мере подвержены различным формам индивидуально-коллективной виктимности.

Коллективно-индивидуальная виктимность характеризует вступление индивида в те институты, деятельность которых изначально построена на использовании трудного положения субъекта. Например, трудоустройство мигранта на заведомо невыгодных условиях, заключение различных кабальных сделок, включая заведомо противозаконные. Недоконформисты, не обладающие необходимыми качествами и навыками, а также нонконформисты, имеющие другие интересы и приоритеты, в подобных отношениях наименее виктимны¹³.

Индикатором состояния виктимизации является общественное мнение населения о своей защищенности от противоправных посягательств.

Фондом «Общественное мнение» проводилось изучение общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности

---

13 См.: Ростокинский А.В. Виктимность и девиация // Российский следователь. 2009. № 13. С. 19–20.

органов внутренних дел Российской Федерации. По мнению 51% участников опроса, жизнь в России сейчас опаснее, чем была 5-6 лет назад. Причем беспокойство по поводу криминогенной ситуации занимает существенное место в иерархии страхов и тревог россиян (63%) – эта проблема лишь немногим менее значима для них, чем проблема бедности, низкого уровня жизни (76%), а также алкоголизма и наркомании (70%), и более значима, нежели целый ряд иных вопросов, включая состояние социальной инфраструктуры, социальное неравенство и т.д.

Очень высока доля респондентов, испытывающих страх как перед маргинальными социальными группами, которые ассоциируются с опасностью для окружающих (от наркоманов и рецидивистов до БОМжей и нелегальных иммигрантов), так и перед преступниками различной «специализации». В ряде случаев такой страх выглядит совершенно гипертрофированным. И хотя ситуация в разных регионах отличается, в целом российское общество в данном контексте предстает достаточно запуганным криминалом.

В целом за 2009 г. подвергались преступным посягательствам 15% россиян. Самая виктимогенная возрастная группа (20%) – 25–30 лет, с высшим образованием (19%), занимающиеся индивидуальной трудовой деятельностью (29%).

Большая часть россиян в течение года становились жертвами нескольких разных преступлений, при этом у потерпевшего от какого-либо преступления в несколько раз больше «шансов» подвергнуться иным криминальным посягательствам, чем у того, с кем этого ранее не случалось.

Например, потерпевшие от краж, в течение года подвергались причинениям вреда здоровью, становились жертвами хулиганства или карманной кражи втрое чаще, чем россияне в целом; с мошенничеством и вымогательством взятки они сталкивались вчетверо чаще прочих, с вымогательством – впятеро, а с грабежом – всемеро чаще.

Кроме того, широко распространена «рецидивная виктимность»: многие становятся жертвами преступлений одного вида неоднократно. Показатель «рецидивной виктимности» – доля потерпевших неоднократно – колеблется, если говорить только о более или менее широко распространенных преступлениях от 16% (грабеж) до 44% (принуждение к даче взятки).

Большинство россиян, подвергавшихся криминальным посягательствам, не сообщают об этом в милицию. Только 39% из числа пострадавших в течение последнего года обращались в органы внутренних дел.

Оказываясь жертвами тех или иных преступных посягательств, молодые россияне обращаются в милицию намного реже, чем пожилые, а состоятельные – чем неимущие.

Более четверти обращений граждан не фиксируются, не отражаются в отчетности органов внутренних дел: 16% обратившихся в ОВД за последний год вообще не подавали письменных заявлений, еще 12% заявляют, что их заявления не были зарегистрированы. Потерпевшие, не обращавшиеся в ОВД, чаще всего объясняют это неверием в то, что милиция им поможет, а также желанием сэкономить время и «поберечь нервы», полагая, что контакты с правоохранительными органами отнимут и то, и другое.

Большинство потерпевших от криминальных посягательств различного типа не считают, что допустили какие-либо ошибки, способствовавшие тому, что они стали жертвами преступников, но немало и тех (1/3), кто усматривает в своем поведении подобные ошибки: среди людей, которым были причинены телесные повреждения, кто подвергся грабежу, вымогательству, в том числе взятки. Пострадавшие от действий мошенников винят себя намного чаще прочих (47%).

Анализируя свое поведение, самокритичные жертвы преступлений чаще всего корят себя за излишнюю доверчивость (19%) и невнимательность, беспечность, неосмотрительность (13%). На третьем месте нарушения правил дорожного движения (9%), поскольку именно встреча с автоинспектором при таких обстоятельствах сделала возможным вымогательство взятки. К числу прочих черт характера и особенностей поведения, определяющих человека в «группу риска», участники опроса относят легкоеверие, слабохарактерность и робость.

Другим основанием виктимизации, наиболее часто встречающимся в высказываниях жертв, является состояние опьянения: 7% упоминают, что «были нетрезвы и это их подвело». Столько же из жертв, получивших вред здоровью, признают, что вели себя грубо, агрессивно.

Некоторая часть потерпевших пострадали от знакомых лиц. Больше всего таких среди жертв, получивших тяжкий вред здоровью (29%) и подвергшихся сексуальному насилию (34%). Потерпевшие отмечают, что до совершения преступления относились к будущим преступникам положительно, без антипатии.

Качественным показателем состояния криминальной виктимизации является ее структура, которая представляет собой соотношение ее элементов, выделяемых по различным основаниям, в данном исследовании в зависимости от мотивов совершения преступлений, по которым установлены потерпевшие.

В течение всего анализируемого периода в структуре расследованных преступлений, по которым установлены потерпевшие по основным мотивам их совершения, преобладают корыстные, бытовые и насильственные мотивы (см. Диаграмму 1).

- практическая невозможность заметно изменить свой социальный статус, реализовать свой потенциал в отсутствии равенства первоначальных возможностей из-за дороговизны престижного образования, отсутствия первоначального стартового капитала или связей у большинства граждан;
- микросредовые условия (в подростковом возрасте семейная гиперопека, так же как и асоциальное поведение родителей, могут способствовать выработке антисоциальных и девиантных форм реагирования; сюда же следует отнести семейные конфликты, асоциальный образ жизни, злоупотребление спиртными напитками, наркомания, отсутствие постоянного источника дохода, бродяжничество);
- ситуационные обстоятельства (конфликт интересов, психологическая несовместимость, реакция на внезапно возникшие, субъективно значимые, угрожающие жизни и здоровью обстоятельства и т.п.);
- субкультуральные факторы (изменение ценностных ориентаций под влиянием делинквентной молодежной субкультуры, «уголовных» традиций, организованной преступности, тоталитарных экстремистских сект и т.п.);
- длительное нахождение в местах лишения свободы (десоциализация и дезадаптация осужденных и отбывших наказание);
- личностные, социально-психологическим факторы (напряжение и агрессия, стремление найти и наказать реальных и мнимых «врагов»; низкий культурный уровень; стереотип негативного восприятия окружающей обстановки, общий враждебный настрой личности, сформировавшийся в результате жестокого воспитания; самоуверенность, легкомыслие, меркантильность и т.д.);
- биологическая (природная) составляющая криминальной агрессии.

В аналитическом материале приводится анализ состояния криминальной виктимизации в Российской Федерации и тенденций ее развития в 2011 году, дается краткая характеристика факторов, влияющих на криминальную виктимиацию.